

ПАМЯТЬ И СВОБОДА*

С точки зрения здравого смысла нет ничего более несомненного и достоверного чем настоящий момент, чем актуальное восприятие предмета или совокупности обстоятельств. Это то, что действительно есть. На самом деле слово *есть* меньше всего относится к восприятию. То, что дано в восприятии эфемерно, хрупко, преходяще, и к тому же необычайно похоже на то, что было. Стоит нам только подумать, что мы видим новое, как тут же обнаруживается, что это уже было, все повторяется и получается, что актуальное восприятие вовсе не дает нам реального прикосновения к миру, оно шаблонно, упорядоченно, стандартизировано, структурировано. И все рассуждения мистиков о непосредственном слиянии с предметом в процессе созерцания поверхностны и неглубоки, поскольку не учитывают нашего сложного и опосредованного взаимодействия с миром.

У человека, живущего насыщенной внутренней жизнью, восприятие настоящего всего лишь повод к воспоминанию. Восприятие – мгновенный срез, который совершает наша память в настоящем. Наша предшествующая психологическая жизнь обладает для нас существованием в большей мере, чем внешний мир: мы воспринимаем всегда только ничтожно малую часть этого мира, тогда как пережитый нами опыт используем во всей совокупности. Когда я читаю книгу, я не могу ее понять, проникнуть в мысль автора, если со дна моей души не всплывет некое прошлое ощущение или переживание – тогда как бы замыкается цепь и мысли автора становятся мне близки и понятны. Тогда я вхожу в то состояние, которое испытывал автор, в противном случае я воспринимаю только бессмысленный набор слов. Это живое состояние – живым оно становится когда включена вся цепь моих воспоминаний и переживаний.

В этом смысле в любом восприятии уже все есть, если мы действительно воспринимаем. И тогда, как любил говорить М. Мамардашвили, не только в «Мыслях» Паскаля, но и в рекламе мыла можно познать истину, увидеть красоту или установить искренность выражения чувств. А то, что не ожило, что мы не оживили, смотрит на нас, а мы не чувствуем их взгляда. Дерево, стоящее передо мной в саду, осыпанное росой и сверкающее в утреннем солнце – просто антоновка из семейства семечкопокрытых; музыка, что я слышу – только набор звуков; человек, которого я когда-то любил, сидит передо мной во всем блеске своего ума или красоты и не вызывает во мне никаких чувств – ни волнения, ни радости, ничто не тревожит моей души и не бросает в дрожь, ничто во мне не отзывается. Но вдруг этот человек, что-то рассказывая о своей жизни, произносит одно слово, слово-пароль, и вся цепь моих переживаний, моей памяти включается вдруг и озаряет ярким светом и меня самого и этого человека, я оживаю, хотя до этого сидел как каменный истукан, я вижу его красоту или ум и это видение снова, как когда-то потрясает и волнует меня.

В данной статье я хотел бы проанализировать некоторые проблемы памяти, отталкиваясь от идей трех великих французов, взятых в их преемственности – Анри Бергсона, Марселя Пруста и Жюль Делёза.

Восприятие, отрезанное от памяти, было бы патологично, поскольку зависело бы только от случайности и ограниченности нашей психики. Жить исключительно в настоящем, сразу отвечать на возбуждение продолжающей

его непосредственной реакцией – это, согласно А. Бергсону, свойство низшего животного; когда так поступает человек, говорят, что он импульсивен.

Человек – существо виртуальное, поскольку он никогда не реализуется полностью, поскольку его существование никогда не совпадает с сущностью, поскольку он *действует* в настоящем, а *существует* в прошлом. О настоящем мы можем сказать, что оно «было», а о прошлом, что оно «есть», поскольку оноечно, его уже нельзя изменить, оно дано на все времена. Оно прекратило действовать, оно бесполезно, но оно *есть* в подлинном смысле этого слова, оно, как считал Ж. Делез, сливается с бытием в себе.¹ Прошлое – это чистая онтология, чистое воспоминание обладает только онтологическим значением. Оно чисто потому, что уже никак не связано с настоящим, у него нет психологического существования. Мы свободны постольку, поскольку посредством нашего прошлого, нашей памяти имеем отношение к бытию, а не привязаны наподобие марионеток к капризам и изменчивому характеру нашей психики.

Я сам – это мое прошлое. Я не мог бы осмысленно жить без того, чтобы снова и снова не проигрывать мою жизнь, не беседовать со своими умершими как с живыми, не воображать, что было бы, если бы некоторые события в прошлом не произошли или произошли совсем по другому. Декарт говорил, что в полной мере нам принадлежат только наши мысли, подобным образом мы можем сказать, что в полной мере нам принадлежит только наше прошлое, наша память о нем, ее никто не может у нас отнять и никакие силы не состояниии ее изменить. Погружаясь в воспоминания, я погружаюсь в стихию духа, поскольку того, что я вспоминаю, нет как объективной реальности, это чистая виртуальность и в то же время только то, что живет в памяти в полном смысле слова *есть*, потому что раз случившись, оно уже существует всегда, в вечности, и даже Бог не может сделать бывшее не бывшим. А бытие существует всегда в вечности и не зависит от времени. Поскольку у меня есть память, я принадлежу бытию, не завишу от внешних обстоятельств, сам определяю свою жизнь, становлюсь самобытным.

То, то прошло и хранится в моей памяти, стало объемным, расцветенным, я могу посмотреть со стороны и оценить каждое мгновение моего прошлого переживания. Жалость и печаль о днях прошедшей любви превращают те дни в факт искусства, моя страсть, злость, растерянность, смущение и робость, переход от отчаяния к надежде, которыми я был раздавлен и подавлен, превращаются в моей памяти в стройное повествование, превращаются в сюжет, который организует и упорядочивают мою, раздерганную случайными обстоятельствами, жизнь. Воспоминания о любви и непосредственное любовное переживание соотносятся между собой так, как роман или лирическое стихотворение с газетным фельетоном. Действительность любви создается лишь в памяти, как и вообще любая действительность.

Наше память создает для нас полный смысл ушедшего, в то время как в настоящих мгновениях жизни мы никогда не достигаем полного смысла, он растянут на отдельные переживания, отдельные дни и годы. Полный смысл открывается только в воспоминании. Мы не проживаем наши годы в их непрерывной последовательности, день за днем, но восстанавливаем их в воспоминании, которое не подчиняется законам времени, потому что нечто

¹ См.: Делез Ж. Бергсонизм // Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С. 135.

вспомненное, живущее в регистре законов психики, стареет иначе или сохраняет молодость. Если сравнить то, что мы вспомнили, с тем, что существует в нашем повседневном эмпирическом опыте, то между ними обнаруживается такая же разница, как между различными мирами, потому что мир, всплывший в нашем воспоминании, поддержан нашей фантазией, нашим продуктивным воображением, это метафорический мир и именно поэтому – такой мир реален и истинен.

«В беспечных радостях,
в былом очарованье,
о дни весны моей вы скоро утекли.
Теките медленней в моем воспоминанье»
(А.С. Пушкин).

Только прошлое и *есть* еще и потому, что восприятие, как полагал А. Бергсон, каким бы оно ни было мгновенным, «состоит из неисчислимого множества вспоминаемых элементов, и по сути всякое восприятие есть уже память. *Практически мы воспринимаем только прошлое*, так как чистое настоящее представляет собой неуловимое поступательное движение прошлого, которое подтачивает будущее»².

Прошлое и настоящее указывают не на два последовательных момента, а на две сосуществующие стихии: одна – это настоящее, не перестающее проходить, а другая – прошлое, которое не перестает быть, но через которое проходит любое настоящее. Именно в этом смысле существует чистое прошлое, свое рода «прошлое вообще»: такое прошлое не следует за настоящим, а напротив, оно предполагается им как чистое условие, без которого настоящее не могло бы пройти. «Прошлое вообще» – это не конкретное прошлое какого-либо настоящего, но вечное прошлое как условие любого настоящего. «Прошлое вообще» делает возможным любые прошлые. Другими словами, каждое настоящее возвращается к себе как прошлое. Настоящее не может пройти, если оно уже не является прошлым в то же самое время, когда оно было настоящим.

«Сиюминутная интуиция, – писал А. Бергсон, – на основе которой разворачивается наше восприятие внешнего мира, представляет собой нечто весьма малое по сравнению со всем тем, что прибавляет к ней память. Воспоминание о предшествовавших аналогичных интуициях полезнее этой мгновенной интуиции, так как оно связано в нашей памяти целым рядом последующих событий и может тем самым лучше просветить нас при принятии решения, – именно поэтому оно замещает действительную интуицию, на долю которой выпадает только – как мы докажем впоследствии, – задача вызвать воспоминание, воплотить его, сделать активным, а тем самым и действительным. Мы были, следовательно, правы, говоря, что совпадение восприятия с воспринимаемым объектом существует скорее в принципе, чем на деле. Нужно учитывать, что восприятие становится в конце концов лишь поводом к воспоминанию...»³

В том, что мы называем мгновением, уже присутствует работа нашей памяти а, следовательно, и нашего сознания, которое сливает друг с другом какое угодно число мгновений бесконечно делимого времени так, чтобы охватить их сравнительно простой интуицией.

² Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992. С. 251.

³ Там же, С. 198.

Таким образом, истинной бытийностью, онтологией обладает только дух. Если дух – это некая реальность, то именно здесь, по мнению Бергсона, в явлениях памяти, мы сможем его коснуться экспериментально.

Каждое восприятие вызывает в нас большее или меньшее число воспоминаний-образов, в зависимости от степени напряжения нашего духа, от уровня развитости нашей душевной и духовной жизни. «За ту долю секунды, в течении которой длится самое краткосрочное из возможных восприятий света, произошли триллионы вибраций, из которых первая отделена от последних тысячекратно делимым интервалом. Таким образом, ваше восприятие, каким бы оно ни было мгновенным, состоит из неисчислимого множества вспоминаемых элементов, и по сути всякое восприятие есть уже память»⁴. Поэтому память, писал Бергсон, это не регрессивное движение от настоящего к прошлому, а наоборот, прогрессивное движение от прошлого к настоящему.

Первым делом мы помещаем себя именно в прошлое. Мы отправляемся от некоего «виртуального состояния», которое мало-помалу проводим через ряд различных *срезов сознания* вплоть до того конечного уровня, где оно материализуется в актуальное восприятие, то есть становится состоянием настоящим и действующим; другими словами, мы доводим его до того крайнего среза сознания, в котором фигурирует наше тело. Это виртуальное состояние и есть чистое воспоминание.⁵

Далее хотелось бы выделить два основных тезиса, касающихся сущности памяти: во-первых, мы ничего не помним, во-вторых, то, что мы помним, всегда уже не то, что было на самом деле.

1. Мы ничего не помним, если понимать память как склад, механическую совокупность событий, знаний, открытых истин, которые лежат, подобно картофелинам в мешке и ждут, когда то или иное событие осветит их, вызовет к жизни. Память обладает виртуальным бытием, ее нет, она не существует так, как существуют картофелины в мешке, нет ее и в теле, так как тело само является нашим образом. Бытующая в современной науке идея о том, что носителем памяти являются рибонуклеиновые кислоты в клетках мозга, не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики, ибо как бы не были сложны структуры РНК, наши переживания, ощущения, эмоции, знания сплетающиеся в бесконечно сложный комплекс памяти никак не могут быть адекватно отражены в физиологическом аппарате мозга. Мозг, как часть материального мира есть нечто протяженное в пространстве и должен, по мнению Бергсона, определяться как непрерывно начинающееся заново настоящее, наше же настоящее, напротив, и есть сама материальность нашего существования, т.е. совокупность движений и ощущений – и ничего сверх этого. «...Предположим на один момент, что прошлое переживает себя в виде воспоминания, сохраняемого в мозге. В таком случае необходимо, чтобы мозг для сохранения воспоминания по крайней мере сохранялся сам. Но этот мозг как протяженный в пространстве, всегда находится только в моменте настоящего и представляет собой с остальной материальной вселенной непрерывно возобновляемый срез всеобщего становления. Тогда, или вы должны предположить, что эта вселенная настоящим чудом погибает и воскресает каждое мгновение длительности, или вы сами должны будете перенести на нее ту непрерывность

⁴ Бергсон А. Материя и память, С. 254.

⁵ См.: Там же. С. 310.

существования, в которой вы отказываете сознанию, и сделать из ее прошлого переживающую себя и продолжающуюся в настоящем реальность»⁶.

Если за каждым ощущением или переживанием закреплён определенный комплекс нервных процессов в мозгу, то одинаковые ощущения или впечатления всегда вызвали бы одинаковые переживания, однако сознание никогда не возвращается в прежние состояния, потому что тащит за собой всю прошлую память, которая постоянно изменяется и обогащается, и подобна, говорил Бергсон, мелодии, которая постоянно изменяется от каждой новой присоединенной ноты.

Воспоминание возникает от какого-либо толчка, вызванного восприятием, причем никогда нельзя проследить очевидной и однозначной связи между восприятием и воспоминанием, мы не распоряжаемся своей памятью, память – то, что принадлежит нам, от нас не зависит, она значительнее и больше, чем вся наша актуальная психическая жизнь. Может быть не мы помним, а наш дух вспоминает себя через нас. Ведь чтобы вспомнить нечто важное и значительное, что когда-то удивило или потрясло нас, нужно попасть в соответствующее состояние. «Только дух слышит дух» (А. Шопенгауэр).

Пруст считал вполне правдоподобным кельтское верование, согласно которому души тех, кого мы утратили, становятся пленниками какой-либо низшей твари – животного, растения, неодушевленного предмета; расстаемся же мы с ними вплоть до дня – для многих так и не наступающего, – когда мы подходим к дереву или становимся обладателями предмета, служившего для них темницей. Вот тут-то они вздрагивают, вот тут-то они зывают к нам, и как только мы их узнаем, колдовство теряет свою силу. Мы выпускаем их на свободу, и теперь они, победив смерть, продолжают жить с нами. «Точно также обстоит и с нашим прошлым. Попытаться воскресить его – напрасный труд, все усилия нашего сознания тщетны. Прошлое находится вне пределов его досягаемости, в какой-нибудь вещи (в том ощущении, которое мы от него получаем), там, где мы меньше всего ожидали его обнаружить. Найдем ли мы эту вещь при жизни или не найдем – это чистая случайность»⁷.

Мы не распоряжаемся своей памятью. Часто сожалеешь о том, что нельзя удержать в памяти и сотой доли того, что было увидено или прочитано, утешает только одно – все это было питанием, способствующим росту и развитию внутреннего мира, многое завязывается в нас помимо наших сознательных усилий и это многое часто составляет самое существенное, что есть в нас: здесь и первые розовые цветы боярышника, и материнский поцелуй на ночь, и звук лопнувшей струны, медленно тающий в теплом вечернем воздухе, и пронзительно-страшная мысль в детстве о неизбежности собственной смерти, которая занозой на всю жизнь остается в вашем сердце. Собственно, все наше внутреннее есть результат памяти, которая живет в нас и нам не принадлежит.⁸

⁶ Бергсон А. Материя и память. С. 253 – 254.

⁷ Пруст М. По направлению к Свану. М., 1992. С. 41.

⁸ «Лучшее, то хранится в тайниках памяти, – вне нас; оно – в порыве ветра с дождем, в нежиллом запахе комнаты или в запахе первой вспышки огня в очаге – всюду, где мы вновь обнаруживаем ту частицу нас самих, которой наше сознание не пользовалось и оттого пренебрегало, остаток прошлого, самый лучший, тот. Что обладает способностью, когда мы уже как будто бы выплакались, все-таки довести нас до слез... При ярком свете обычной памяти

2. Нам кажется, что мы вспоминаем какие-либо события нашей жизни, но на самом деле мы вспоминаем не сами события или отрезки нашей жизни, а то, каким образом наш дух их переработал, усвоил, оценил. Например, по прошествии многих лет я вспоминаю свою послевоенную школу и это воспоминание является мне окрашенным в мрачные тона. Основное ощущение – это неуютность (огромные коридоры с каменными полами), вечное чувство голода, осатаневшие от маленькой зарплаты и огромной нагрузки малообразованные учителя, грозный пьяница-математик, который стучал двоечникам по голове мелом до тех пор, пока вся голова не становилась белой, жуткая шпана – каждого входящего в туалет заставляли выворачивать карманы и забирали все и т. д. На самом деле такая школа – это продукт моего сознания, я в ней не мог бы выжить и недели. Видимо тогда было и немало радостных событий, приятных или даже счастливых дней, но память совершила свой отбор и раскрасила все по своему. Память не складывает все случаи жизни и ощущения в свою копилку, а метафорически усиливает их. «Смутные воспоминания – метафоры жизни» (Делез).⁹

Прошлое существует только в нас и через нас, только в нашей памяти и только виртуально, поскольку не зафиксирована ни в структурах мозга, ни в последовательно и однозначно разворачивающихся воспоминаниях. Идею виртуального существования можно распространить и на всю вселенную, потому что она вся в прошлом – звезды, которые я вижу, выглядели так миллионы лет назад, пока свет от них дошел до меня. Все происходит так как если бы вселенная была огромной Памятью. Но человеческая жизнь достигает самой высокой степени виртуальности и, следовательно, бытийности. Человеческая память – это связь с бытием. «Жизнь – это память в *принципе*, сознание в *принципе*, свобода в *принципе*. В *принципе* означает виртуально. ... Только в человеке актуальное становится адекватным виртуальному»¹⁰.

Мне представляется, что в памяти, при первом приближении, можно выделить четыре уровня: Самый нижний и самый глубокий – это *недостижимое воспоминание*. Виртуальный и чисто духовный слой, о котором могут что-либо сказать мистики и религиозные пророки. Это абсолютно необходимый, фундаментальный, на мой взгляд, слой памяти. Второй слой – «*память сердца*» – те удары по нашей чувственности, эмоциональные потрясения, которые, будучи преобразованы нашим искусством, искусством жить, составляют суть нашего отношения к миру. Третий слой – «*память рассудка*» – запомнившиеся знания, правила поведения, схемы действия и т. д. Четвертый слой – *память тела* – навыки, привычки, способы нашей координации с миром.

Рассмотрим подробнее эти слои, или уровни, памяти.

1. Память – это прежде всего «чистая память», память вообще. Карл Ясперс считал, что подлинное бытие человека (экзистенция) проявляется, в том числе,

образы минувшего постепенно бледнеют, расплываются, от них ничего не остается, больше мы их уже не найдем» (Пруст М. Под сенью девушек в цвету. М., 1992. С. 189.)

⁹ «... Как объяснить, что Комбре возникает, но совсем не таким, каким он был в прошедшем ощущении, а в некоем блеске, в «истине», никогда не эквивалентной реальности?» (Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 84.

¹⁰ Делез Ж. Бергсонизм. С. 184.

и в сознании «непостижимого воспоминания» – я должен помнить то, чего со мной не было, как будто я присутствовал при рождении мира, иначе я вообще ничего не помню. Эту «странную» память можно описать только с помощью косвенных примеров. Так, в теологии утверждается, что высшей формой любви является любовь к Богу, которая делает возможным любовь к любому конкретному человеку. Но что значит любить Бога? Скорее всего – просто находится в стихии любви, быть всегда готовым к любви.

Но точно также можно находится и в стихии памяти, помнить не о чем-то конкретном, а помнить о своей памяти, то есть жить в духе. Только в памяти мы и сталкиваемся с духом, с духом в себе и для себя, не отягощенным никакой материальностью. Подобным же образом еще Декарт различал мышление о чем-то и чистое мышление, мышление о мышлении, как условие любого мысли о чем-либо конкретном, мышление как стихию, а не как совокупность логических операций над восприятиями и представлениями.

Мы люди, поскольку помним. Что помним? Неизвестно. Но что-то точно помним, самое важное и самое главное, при этом всякое конкретное воспоминание всегда уже не то, не о том. Иногда, в особом состоянии духа нам кажется, что еще минута и мы вспомним самое важное, то, что составляет существо всей его жизни: кто мы такие, откуда пришли, почему страдания составляют большую часть нашей жизни, в чем смысл нашего существования. Разумеется, ничего «самого важного» вспомнить в конкретном образе нельзя, но сама попытка вспомнить это, сама попытка удержаться в «сознании непостижимого воспоминания», создает внутренний строй души, которой доступны свобода и творчество.

«А можно ли считать воспоминанием то, – писал М. Пруст, – что нельзя восстановить в памяти? Допустим, мы не можем вызвать в памяти события за последние тридцать лет, но ведь они все равно омывают нас со всех сторон; зачем же тогда останавливаться на тридцати годах, почему не продлить минувшую жизнь до того времени, когда нас еще не было на свете? Раз от меня скрыто множество воспоминаний о том, что было до меня, раз я их не вижу, раз я не могу к ним воззвать, то кто мне докажет, что в этой «тьме тем», остающейся для меня загадкой, нет таких воспоминаний, которые находятся далеко за пределами моей жизни в образе человека?»¹¹

Определенную модель этого «непостижимого» воспоминания представляет собой теория коллективного (или родового) бессознательно К. Юнга. Архаические структуры психики содержат в себе совокупность архетипов (прообразов) – древних способов понимания и переживания мира. Эта «память», которая виртуально живет во мне и никогда непосредственно не осознается. Коллективное бессознательное при нормальных условиях не поддается осознанию, никакая аналитическая техника не поможет его «вспомнить»: ведь оно, в отличие от личного бессознательного, никогда не было вытеснено или забыто. В то же время коллективное бессознательное не существует наподобие некоторых врожденных структур нашей психики, передающихся по наследству. Это, по Юнгу, не врожденные представления, а врожденные возможности представления, ставящие известные границы самой смелой фантазии. Это как бы категории деятельности воображения, априорные идеи, существование которых не может быть установлено иначе, как через опыт их восприятия. Архетипические образы особенно наглядно могут

¹¹ Пруст М. Содом и Гоморра. М., 1993. С. 349.

выступать в символической форме искусства. «Они проявляются лишь в творчески оформленном материале в качестве регулирующих принципов его формирования, иначе говоря, мы способны реконструировать изначальную подоснову прообраза лишь путем обратного заключения от законченного произведения искусства к его истокам»¹².

Неудивительно, считает Юнг, что в типической ситуации мы внезапно ощущаем или совершенно исключительное освобождение, чувствуем себя, как на крыльях, или нас захватывает непреодолимая сила. В такие моменты мы уже не индивидуальные существа, мы – род, голос всего человечества, просыпающийся в нас. Архетип, проявляющийся в сновидении, фантазии или в жизни, всегда несет в себе некоторое особое влияние или силу, благодаря которым его воздействие носит нуминозный, т. е. зачаровывающий характер. Архетип захватывает психику изначальной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Он ведет к преувеличению, раздутости, проявлению недобросовестности, одержимости, рождает иллюзии, как в хорошем, так и в дурном.

Только художник средствами своего таланта может выразить могучую энергию архетипа, главной составляющей непостижимого воспоминания. Любое отношение к архетипу, полагает Юнг, задевает нас, пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Объясняющийся прообразами говорит как бы тысячами голосов, он пленяет и покоряет, поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечного, возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким образом высвобождает в нас те спасительные силы, которые всегда помогали избавиться от любых опасностей и преодолеть даже самую долгую ночь. Такова тайна воздействия искусства. Творческий процесс складывается из бессознательного одухотворения архетипа, из его развертывания и пластического оформления вплоть до завершения произведений искусства. Настоящее искусство дает жизнь тем фигурам и образам, которых духу времени как раз больше всего недоставало. От неудовлетворенности современностью творческая тоска уводит художника вглубь, пока он не нащупает в своем бессознательном того прообраза, который способен компенсировать ущербность и односторонность современного духа.

2. «Память сердца» – это то, что образует фон нашей интеллектуальной активности, всех наших попыток понять мир и устроиться в нем. Эта память делает возможным восприятие мира как живого, волнующего, непостижимого целого. В любом восприятии, например, в простом акте зрения мы видим только передний план предмета, но периферия переднего плана и весь задний план заняты как будто окаймлены бахромой, игрой душевной жизни, игрой воспоминаний. Здесь образы, которые должны быть образами предметов, пребывают в зачаточном состоянии, и, сливаясь с бесформенным целым душевной жизни, ведут в нем свое фантастическое существование. Эти образы, как и действительно воспринимаемые предметы, окружены роем воспоминаний, грез, настроений, чувств. Погружаясь в этот мир оттенков, интонаций, намеков, образов, страхов и восторгов, мы чувствуем, что живем, что это и есть подлинная жизнь, а не застывшее отражение познающего разума.

¹² Юнг К. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992. С. 116.

Память сердца возникает и закрепляется в нас тогда, когда я пытаюсь свою жизнь сделать предметом искусства. Что это значит – сделать предметом искусства? Почему я одни события или истины запоминаю, а другие нет. Согласно М. Прусту, есть утраченное время, а есть время обретенное. В утраченном времени ничего со мной не произошло и не вошло в состав моей памяти. Я не закрепил прошедшие события силой своего искусства.¹³ В данном случае об искусстве говорится не только в том смысле, что я попытался происшедшее выразить в стихах или прозе, (это тоже важная, но не всем доступная возможность), но и в том, что я живу опытом искусства: я переживаю смерть, разлуку, одиночество и покинутость всеми, это я их переживаю, а не они со мной случаются. Можно расстаться с человеком, зная, что никогда его больше не увидишь, и постепенно забыть его. А можно из этого сделать трагедию: жизнь так коротка, так мало людей, с которыми существует душевная связь, расставание подобно грустной мелодии, которая всегда звучит при воспоминании об этом человеке, расставание – подобно смерти, которая коснулась своим крылом, провела невидимую борозду между нами.¹⁴

Часто мы вспоминаем каких-то знакомых, которых давно не встречали и даже воображаемо беседуем с ними, а потом оказывается, что они уже умерли. Часто мы пытаемся, хотя бы мысленно, вернуться в страну своего детства, но ее уже давно нет, она живет только в нашей памяти. Все, что мы видим и воспринимаем – это только память – память мира, память вселенной, память человека. И то, что мы сейчас воспринимаем, моментально становится памятью. Смерть – один из тех важнейших переключателей, которые поддерживают и формируют память. «...Любовь может длиться только как подготовка своего исчезновения, как подражание разрыву. Когда мы воображаем, что нам хватит жизни, на то, чтобы увидеть собственными глазами, что произойдет с теми, кого мы потеряли – это то и является состоянием любви как смерти»¹⁵.

¹³ «Самое большое отличие – это отличие между временем утраченным и временем обретенным... Утраченное – это не только время, которое проходит, деформируя живые существа и разрушая созданное; это также и время, которое теряют... Обретенное время – это, прежде всего, время, обретающее в недрах времени утраченного и одаривающее нас образом вечности; но это также абсолютно подлинное, действительное, вечное время, что утверждается в искусстве» (Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. С. 42).

¹⁴ Так, разрыв С. Кьеркегора с Региной Ольсен дал ему материал, из которого он мог создавать свои поэтично-философские произведения. Регина сделала его поэтом. Задача поэта не в том, чтобы *проживать* отношения, а в том, чтобы их *вспоминать*. В случае удачной женитьбы, как он полагал, не было бы тех глубоких душевных переживаний, тех потрясений, которые разбудили его душу. «...Никто еще не стал гением благодаря той девушке, на которой женился; поступив так, он сможет стать лишь финансовым советником». Кьеркегор С. Стадии жизненного пути. (Цит. по П.П. Роде. Сёрен Киркегор. Екатеринбург. 1998. С. 107).

¹⁵ Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. С. 44. «...Сама смерть – внезапное откровение, каким она для меня явилась, – провела мне, подобно молнии, по какому-то сверхъестественному и бесчеловечному графику двойную таинственную борозду. ... Забвение – это не более чем отрицание, ослабление

Я пытаюсь вновь оживить мгновения детства и почувствовать беспредельную радость бытия, которая была в моем детстве, но не могла быть осознана мной и только теперь, восстановленная и поддержанная силой мысли, она встает передо мной во всей мощи. Постепенно складывается воспоминание в чистом виде, или прошлое в чистом виде, «кусочек времени в чистом виде». (Пруст).¹⁶

Память, «невидимая глубина сердца» (М. Хайдеггер) делает нас живыми людьми, создает тот контекст, благодаря которому возможна вера, творчество, любовь, возможна мысль, постоянно удивляющаяся миру. И если смутные воспоминания – это метафоры жизни, то метафоры суть смутные воспоминания искусства. Но только искусство, полагал Делез, преуспевает в том, о чем жизнь знает лишь по черновому наброску. Смутные воспоминания в произвольной памяти – еще из жизни, из искусства на уровне жизни, и они пребывают на уровне скверных метафор. Напротив, искусство превышает жизнь и не основывается на произвольной памяти.¹⁷

3. «Память рассудка» – это наши знания, правила поведения, стереотипы мышления и действия. В сравнении с «памятью сердца» этот слой можно назвать механической памятью, занимающей определенную часть нашей духовной жизни. Мы помним имена, даты, формулы, рецепты, комбинации, без этой памяти мы не могли бы успешно функционировать, живя в обществе. Бергсон рассуждает о двух типах памяти: есть спонтанное воспоминание, которое регистрирует все задевшие нас события нашей ежедневной жизни, например, прочитанное стихотворение. Время ничего не может добавить к его образу, не лишив воспоминание его природы, оно сохранит в памяти свое место и свою дату; и есть заученное воспоминание – при многократном чтении этого стихотворения слова связываются все лучше и наконец организуются в органическое целое. Это заученное воспоминание со временем становится все более безличным и отчужденным от нашей прошлой жизни. Просто создан соответствующий механизм и выработана привычка. Первая оказывается памятью в собственном смысле слова. Вторая – скорее привычка, освещаемая памятью, чем сама память.¹⁸ Большая часть нашей рассудочной памяти и есть набор безличных от отчужденных привычек практического или интеллектуального действия.¹⁹

мысли, которая перестает быть способной воссоздать какую-нибудь черту из жизни и принуждена заменить их условными и безразличными образами». (Пруст М. Содом и Гоморра. С. 153)

¹⁶ «В этом смысле, – отмечал М. Мамардашвили, жизнь наша, как реальная жизнь, есть только нами самими осуществляемый перевод того, что в нас запечатлено. И эта жизнь есть искусство. Или литература» (Мамардашвили М. Лекции о Прусте. С. 161.)

¹⁷ Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. С. 82.

¹⁸ Бергсон А. Материя и память. С. 209.

¹⁹ Различие между памятью сердца и памятью рассудка можно представить себе еще и как различие между внешней и внутренней памятью. «Из всех душевных качеств, – писал С. Кьеркегор, – тебе недостает как раз памяти, – не той внешней памяти, которая сохраняет в себе отпечатки различных явлений, идеи, остроты, диалектические извороты и т. д., этого я не скажу, – но

Мы только иногда живем памятью сердца, стараемся «жить поэтически на этой земле», только иногда это у нас получается, но жить так постоянно может вероятно только гений. Мы же большую часть своей жизни живем в мире устойчивых форм и отношений, в мире упорядоченном и расчлененном. Только относительно такого мира можно объясниться с другими, этот мир надежен и его надежность поддерживает меня. Наоборот, мир, открывающийся «памятью сердца» волнует, тревожит и опаляет. «Память рассудка» создает для нас специфический образ действительности, который возникает путем проецирования на мир искусственной схемы, предопределяющей способ действия познающего. В результате мир выступает в роли «уже знакомого», заранее известного в общих контурах, и все проблемы оказываются в принципе разрешимыми. Мы не могли бы и по большей части не хотели бы жить в мире, где каждая вещь вызывала бы у нас тревожные или радостные воспоминания, будоражила бы и волновала нас; в мире, где окружающие нас предметы были бы, полагал Пруст, подобны ящичкам или закрытым сосудам, удерживающим плененную душу кого-то другого, кто старается приоткрыть крышку.

Поэтому наша память строит для нас мир понятный, удобный, знакомый, где все в принципе можно рассчитать и предсказать. Собственно речь идет не о мире, а о картине мира. Тем не менее, сфера применения этой памяти видимо очень узка, поскольку почти невозможно выделить в чистом виде никакой «механики» в памяти. Человек ничего не запоминает «холодным рассудком» и даже чистые абстрактные правила математического анализа либо восхищают его внутренней числовой мистикой, либо вызывают чувство отвращения в силу непонятности, невозможности наглядного представления.²⁰

4. Память тела – это прежде всего наши навыки, обуславливающие автоматизм нашего поведения, позволяющие нам адекватно вписаться в окружающий мир. Существует чисто материальная память, состоящая из серии заученных движений, т.е. имеющих форму привычки. Места пространства не определяются в качестве объективных позиций по отношению к объективной позиции нашего тела, они очерчивают вокруг нас изменчивую линию границ наших намерений и жестов. Привыкнуть к шляпе, автомобилю или трости, писал М. Мерло-Понти, значит обустроиться в них или, наоборот, привлечь их к участию в объемности собственного тела. Навык – это наша способность расширять наше бытие в мире или изменять наше существование, дополняясь новыми орудиями. «Можно уметь печатать на машинке и не мочь показать, где на клавиатуре находятся буквы, составляющие слова. Стало быть, уметь

внутренней, сохраняющей впечатления душевной жизни» (Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев. 1998. С. 277).

²⁰ С самим же миром, с «матерью-природой» давно утрачена, полагал К. Юнг, символическая и эмоциональная связь. Теперь гром – это уже не голос рассерженного Бога, в реке не живет дух, змея не воплощает мудрость, а горная пещера больше не жилище великого демона. Человек уже не слышит голоса камней, растений, животных. Такого рода контакт исчез, а с ним исчезла и энергия, которую давала эта символическая связь. Только сны еще выносят на поверхность нашу архаическую память, но она выражают свое содержание на языке природы, который нам непонятен и странен. (См. Юнг К. 11 Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991. С. 86 - 87).

печатать – не значит знать расположение каждой буквы на клавиатуре или даже выработать для каждой буквы условный рефлекс, который она запускала бы как только предстанет взгляду. Что же такое навык, если он не является ни знанием, ни автоматизмом? Это знание, которое находится в моих руках, которое дается лишь телесному усилию и не может выразиться через объективное обозначение»²¹.

Разделение на четыре слоя памяти весьма искусственно, поскольку они все органически связаны и переплетены. «Между срезом действия, – писал Бергсон, – где наше тело сжало свое прошлое в двигательные привычки, и срезом чистой памяти, где наш дух сохраняет во всех подробностях картину нашей истекшей жизни, мы можем, как нам кажется, заметить тысячи и тысячи различных срезов сознания, тысячи повторений, воспроизводящих целиком, но всякий раз по другому, совокупность нашего пережитого опыта... Эти срезы не даны однако как совершенно готовые, наложенные друг на друга пласты. Они существуют скорее виртуально, способом существования, свойственным духовным образованиям. Разум, все время двигаясь вдоль интервала, разделяющего эти срезы, заново осваивает, а вернее, непрерывно заново создает их: именно в этом движении и состоит его жизнь.»²².

Э. Кассирер подверг в свое время критике теорию памяти Бергсона. С его точки зрения, эта теория недостаточна – способность к образному представлению будущего не уступает способности превращать прошлое в образы и в них обновлять дух. В обоих случаях мы имеем дело с одной и той же изначальной функцией «представления», «репрезентации». Самопознание духа достигается и укрепляется только этим двояким путем, когда его чистое настоящее и хранит его историю, и творчески предвидит его будущее. «К анализу времени и различных его стадий у Бергсона примешивается *пространственное* созерцание и пространственная схема. В пространстве нам приходится ...избирать одно из его направлений. Мы должны смотреть вперед или назад, направо или налево, вверх или вниз. Но при взгляде на временное направление нет такого неизменного «или»²³.

Однако память, как чистое царство духа, и на будущее накладывает свой отпечаток. Для того, чтобы открыть что-то новое, предвидеть будущие тенденции, надо их уже каким-то образом «знать». Чем больше мы погружаемся в прошлое, тем яснее и понятнее нам становится будущее. Мы живем только за счет постоянного проектирования прошлого в будущее.

²¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 193. «В теле размещается и как бы откладывается ряд функциональных механизмов с многочисленными и многообразными реакциями на внешние стимулы, с готовыми ответами на все растущее число возможных вопросов внешнего мира. Сумму таких закрепленных практикой механизмов можно называть своего рода памятью, но она уже не представляет наше прошлое, она его только проигрывает, не сохраняя образов, но продлевая прежние полезные действия вплоть до настоящего момента. (каждый шаг к «действительности» удаляет нас от подлинной реальности, от глубин изначальной формы и первичной жизни «Я»). (Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. М., - СПб., 2002. С. 147.).

²² Материя и память. С. 311 – 312.

²³ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. С. 149.

Мы не столько заглядываем в будущее, сколько постоянно возвращаемся к прошлому для того, чтобы оживить настоящее, чтобы заново воссоздать свою жизнь, ибо только воссозданная, она имеет смысл и ценность, является живой жизнью. Если бы человек мог жить всей полнотой своей памяти, всеми страстями, радостями и горестями, которые ему пришлось испытать, перед ним открылись бы такие глубины и бездны человеческого бытия, такое понимание своей жизни и жизни человеческого духа, о котором мы можем только строить смутные предположения. Мы настолько талантливы, настолько обладаем способностями, насколько мы можем вспомнить, не просто вспомнить то, что с нами когда-то случилось, а вспомнить свою жизнь «в блеске, в истине», которой никогда не было в реальности, или, может быть, она была, но не могла быть ни осознана, ни понята. Но моменты, когда мы постигаем самих себя, свою бытийную природу очень редки и потому, считает Бергсон, мы редко бываем свободными. «Многие так живут, и умирают, не познав истинной свободы»²⁴.

* Опубликовано Точки /Puncta. Ежеквартальный католический журнал, посвященный проблемам религии, культуры и общества. М., 2003. № 3 – 4. С. 169-186.

²⁴ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений. Т. 1. С. 122.